

Юй Сицзин разбудил от послеобеденного сна стук в дверь. С крайне недовольным видом он открыл, а через две секунды с грохотом захлопнул обратно.

Сияющий улыбкой Цзян Цзюан вместе с парнем, который был похож телосложением на колодезную бабу, а синяками на лице — ещё больше, стояли у него за дверью.

Он ещё не проснулся, или дверь открыл как-то не так?

Пока он размышлял, снаружи снова принялся за своё Цзян Цзюан:

— Открывай! Открывай! Не прячься внутри, я знаю, что ты дома!

Когда бесстыдник сталкивается с тем, у кого есть совесть, первый всегда побеждает. Цзян Цзюан точно рассчитал, что Юй Сицзин ни за что не даст ему орать здесь вечно, поэтому, когда Юй Сицзин, почернев лицом, велел ему закатываться внутрь, Цзян Цзюан шустро влетел в комнату и заодно закрыл дверь.

Юй Сицзин бесстрастно спросил:

— Ты зачем пришёл?

— За... кхм-кхм, разве, прося о помощи, не нужно приносить подарки? Ты два дня подряд отказывал, так что сегодня я принёс подарок. — Цзян Цзюан кивнул на парня рядом. — Чжао Ху, подойди.

Юй Сицзин хорошо запомнил этого человека — известный в городе Чэнму хулиган, самопровозглашённый «школьный бандит», одна из главных головных болей завуча.

Этот «школьный бандит», полностью лишённый достоинства, стоял сейчас рядом с разбитым в кровь лицом, а главный подозреваемый в том, что он довёл его до такого вида, беззаботно смеялся:

— Не узнал?

Юй Сицзин некоторое время смотрел, а затем честно сказал:

— Его родная мать, наверное, не узнает.

Цзян Цзюан расхохотался.

Юй Сицзин не стал спрашивать, как он его «прибрал».

— Он пришёл извиниться перед тобой. — Цзян Цзюан схватил того за шиворот и ткнул перед

Юй Сицзином. — Давай-давай, хочешь вычесть баллы — вычитай, побольше ему снизь.

Юй Сицзин хмыкнул:

— Ты с ним подрался, так что, может, вместе и пойдёте?

Перед глазами Чжао Ху потемнело.

«Кто после драки снял с человека штаны и сфоткал, угрожая: „Не будешь слушаться — покажу всему миру твою пипирку“, только для того, чтобы тот пришёл извиняться?!»

«Ты, мать твою, бежишь прислуживать этому придурку из студсовета и меня в это втягиваешь?!»

Но пикнуть он не посмел.

Завуч поверил и был тронут до глубины души:

— Хороший мальчик! Всё в порядке, продолжайте! — С этими словами он повернулся и рывкнул на Чжао Ху: — Чего стоишь? Бегом давай! Не задерживай их — им скоро на следующий урок в класс!

Чжао Ху впервые почувствовал, что их толстый и подхалимский завуч — словно ангел, спустившийся с небес.

Только он собрался быстренько убраться, как подошёл Юй Сицзин:

— Господин завуч, Чжао Ху на данный момент — ученик с наибольшим количеством вычтенных баллов. Сегодня в обед он пришёл ко мне и сказал, что осознал свою ошибку и хочет запомнить это таким способом. Я считаю, это хорошее дело, поэтому временно назначен его надзирателем.

Завучу было всё равно. Раз уж эти мелкие хулиганы нарушают правила не первый день, а Чжао Ху — ещё больший заноза, чем Цзян Цзюян, и кто-то может его проучить, завуч был только рад.

— ...?

Понял — у неуспевающих учеников нет прав человека.

Юй Сицзин осмотрел стоящих перед ним двоих, испытывая странное чувство.

В день спортивного праздника в раздевалку входило и выходило слишком много народу. Юй Сицзин потратил почти два дня свободного времени на просмотр записей и в итоге засёк пятерых, среди которых был и этот Чжао Ху — причём он был главным подозреваемым. Юй Сицзин постоянно носил с собой книжку для вычета баллов и прекрасно знал, кто больше всех хочет ему врезать.

Ожидаемо, этот неприличный полуголый пробег привлёк внимание завуча:

— Что это вы делаете? Думаете, раз фигура хорошая, можно? А ну быстро оделись и проваливайтесь!

И Чжао Ху, скрипя зубами, под насмешливым взглядом учителя физкультуры, который вышел из туалета, натянул на себя верхнюю одежду.

— Вчера вечером только приобрёл младшего брата, — с гордым видом сообщил Цзян Цзюян.

— Что с твоим лицом? — брезгливо спросил завуч, глядя на его синяки.

— А, это... — Чжао Ху открыл рот, собираясь втянуть Цзян Цзюяна в это дело, но Юй Сицзин ответил раньше него: — Слышал, он подрался за школой в выходные. Если найду свидетелей, вычту баллы по правилам. — С этими словами он постучал ракеткой для бадминтона по ладони и сказал Чжао Ху: — У тебя ещё двадцать кругов.

Чжао Ху мысленно закатил глаза: «Типа этот Юй, „белое личико“, выглядит тощим и слабым, вряд ли ударит больно, не то что тот тренированный головорез Цзян Цзюян».

Этот гад Цзян бил действительно больно и был действительно бесстыжим.

В тот же день после обеда ученик Чжао Ху с унижением бегал круги по стадиону — голый по пояс, с фиолетово-синими пятнами на голове, демонстрируя два не особо заметных кубика пресса, сжимая в руках футболку, на спине маркером были написаны 24 иероглифа социалистических ценностей, на груди крупно и жирно — «Усердно учиться, стремиться вверх», а сзади четыре больших иероглифа — «Служить родине с верностью».

— Как интересно? У него всего два кубика, лучше на мои посмотри — у меня их в четыре раза больше, — тихо бубнил Цзян Цзюян, но Юй Сицзин не обращал на него внимания.

Рядом у Юй Сицзина был урок физкультуры, и заодно он следил, чтобы Чжао Ху не ленился.

Цзяну Трёхлетнему не сиделось на месте:

— Не хочешь ему врезать? Если хочешь — скажи «старший» ласково, а я выйду покараулю.

Юй Сицзин молчал.

— Твоё лицо? — спросил Юй Сицзин.

— Да за цвета лица переживаешь! Сейчас это искусство! — нагло врал Чжао Ху.

— Он назвал тебя «белое личико»! Сними ему баллы! — встрял Цзян Цзюян, не дав Чжао Ху сделать вид, что он ничего не понял.

Юй Сицзин:

— Что ты сказал в начале?

Цзян Цзюян:

— ???

Чжао Ху сдержал ругательство.

Юй Сицзин виноват, что низкого роста?

— Сам говори, — Цзян Цзюян пнул Чжао Ху под колено. — Чего молчишь как рыба? Как я тебя учил перед тем, как идти? Повезливее, понял?

Краем глаза Чжао Ху заметил, как Цзян Цзюян сжал кулаки в безмолвной угрозе, и благоразумно решил проглотить обиду, поклонившись Юй Сицзину на девяносто градусов:

— Прости! Я был неправ!

— А, точно, — Цзян Цзюян притворился, что ничего не говорил, и снова хлопнул Чжао Ху. — Тебя мать не учила, что извиняться не положено, глядя свысока?

Чжао Ху униженно поднял голову и уважительно посмотрел на Юй Сицзина.

— Неважно, за школой — ладно, но драка в школе — это уже статья. — Юй Сицзин почесал подбородок, придумав отличную идею. Он достал из ящика маркер и, указав на Чжао Ху, сказал: — Ты, снимай кофту.

Лицо Чжао Ху, и без того похожее на отбивную, исказилось.

Юй Сицзин не ожидал, что, не успев вмешаться сам, Цзян Цзюян уже отлупил парня и притащил его как подарок.

Он оглядел двоих перед собой. Настроение было странным.

На самом деле, он ещё два дня назад ходил к завучу. Тот отнёсся к драгоценному ученику очень серьёзно и, размашисто подписав бумажку, разрешил ему просмотреть записи с камер в пультовой.

Почерк был острый, переходы и повороты довольно величественные — если бы не на человеческом теле, то стоило бы для конкурса каллиграфии и взяло бы приз.

Чжао Ху испуганно прикрыл грудь:

— ???

Юй Сицзин вместе с тридцатью с лишним вычтенными баллами вписал себе в ученический билет отличную стенгазету, подходящую под праздничную атмосферу Игр.

Под взглядом Цзян Цзюяна на затылке у Чжао Ху зашевелились волосы, и он, чувствуя спиной уколы иголок, поплёлся на дорожку.

Цзян Цзюян тоже был на физкультуре в этот час; он стоял, держа баскетбольный мяч, и сгибался пополам от смеха, даже не заметив, что учитель физры вернулся из туалета.

— Ну что, студент, весело тебе? Может, составишь ему компанию? — «добродушно» похлопал его по плечу физрук и посмотрел на Юй Сицзина. — Приглядите за Цзян Цзюяном.

Юй Сицзин не возражал.

— Да пошёл ты, Юй Сицзин... — Цзян Цзюян гневно уставился на эту неблагодарную зверушку.

Цзян Цзюян пробежал двадцать кругов под палящим солнцем и был готов рухнуть без сил. Чжао Ху было ещё хуже — на пятнадцатом круге он растянулся на стадионе задницей кверху и наотрез отказался вставать.

Юй Сицзин, не глядя по сторонам, прошагал мимо распластавшегося Цзян Цзюяна с бутылкой ледяной воды в руке и вдруг взмахнул ею.

Цзян Цзюян, закрыв глаза, поймал бутылку, летящую ему в грудь, и мгновенно сменил тон:

— Ай, спасибо, младший, какой ты хороший, какой ты добрый и красивый, чмок-чмок~

Чжао Ху, пересохшим горлом распластавшись, как дохлая собака, на раскалённом пластиковом

стадионе, со злостью смотрел на задиравшего голову и глотавшего воду Цзян Цзюяна: «Что за судьба-злодейка, что за заклятые враги — это всё выдумки тех, кому делать нечего!»

Юй Сицзин точно подставная крыса Цзян Цзюяна в студсовете!

В тот же вечер Юй Сицзин, глядя сверху вниз на караулившего его у дверей кабинета студсовета человека, молча размышлял: не слишком ли он добр, что дал Цзян Цзюяну возможность сесть на шею?

— Не смотри так, сегодня твой старший — образцовый ученик: не курил, не дрался, не перелезал через забор, не уходил самовольно из школы, опрятен, волосы не крашены и даже по правилам носил этот, долба... школьный бейдж. — Цзян Цзюян на одном дыхании перечислил доказательства своего соблюдения школьных правил и кивнул подбородком на руку Юй Сицзина, потянувшуюся к книжке для вычета баллов. — Младший, на этот раз у тебя нет причин снимать баллы со старшего.

Юй Сицзин небрежно отдернул руку:

— Хочешь к завучу на чай? Могу порекомендовать?

— Лады, как-нибудь в следующий раз. Куплю две пачки лотосового чая в знак уважения. Пускать слишком вредно для здоровья, ему бы похудеть не мешало. — Цзян Цзюян онемел от долгого сидения на корточках, встал, разминаясь. — Младший, я тебе такой большой подарок сделал, а ты даже не хочешь послушать, зачем я тебе его дарил? Может, стоит приготовить ответный подарочек?

Юй Сицзин холодно усмехнулся:

— Хорошо, что баллы за драку в школе не снял.

Цзян Цзюян прикинулся дурачком:

— Кто? Кто дрался в школе? Разве ты не сказал, что Чжао Ху подрался в выходные за школой?

Юй Сицзин закатил глаза и собрался уходить.

Цзян Цзюян поспешно преградил ему путь:

— Так как же ты насчёт моего прежнего предложения? У нас ещё несколько матчей впереди, но мой друг ни в какую не соглашается, даже от призовых отказывается. Займи его место, и доля призовых — твоя.

Юй Сицзин «агакнул»:

— Ты пришёл сообщить, что запасного переводят в основной состав?

Этот вопрос выходил за пределы знаний Цзян Цзюяна, но он быстро сориентировался:

— Какой ты запасной? Ты — Будда, спасающий от огня и воды, ты — Гуаньинь с ивовой ветвью, воскрешающая дерево женшеня!

Хотя вся школа каждый день ждала их с председателем комедии положений, хотя за сегодняшний день Юй Сицзин снял с него почти десять баллов, настоящий мужчина умеет прогнуться, когда надо.

Перед тем как прийти, Цзян Цзюян специально собрал команду на совещание, пытаясь обсудить возможность перетянуть председателя на свою сторону.

— У меня есть один друг, — начал Цзян Цзюян. — Он пощупал грудь своему младшему, и у того случилась реакция, и только тогда он понял, что это его папа-саппорт, которого он хотел попросить о помощи. Вопрос: теперь, когда тот уже оплатил за услугу, сможет ли он успешно затащить его в команду? — Цзян Цзюян задал самый сложный вопрос века.

«Метла» вежливо ответил:

— Дело в старании — только усердие не даст молодости пройти зря, но и насильно не заставишь.

Цзян Цзюян оживился:

— Это что ещё за «насильно»? Ты свою девушку нелегко завоёвывал, два семестра ушло — это было насильно? Так и я — если нелегко найти саппорта, я настою — разве это насильно?

«Метла»: «...»

Разве это одно и то же?

Цзян Цзюян подумал и добавил:

— Ах да, ещё... кхм... та сторона его сама поцеловала, так что скажи, есть ли шанс?

Юй Сицзин сам отобрал у него сигарету, и они пользовались одним и тем же фильтром — это эквивалентно непрямому поцелую, а значит, примерно равно поцелую.

Цзян Цзюян считал, что его логика безупречна — на экзамен он бы шёл с короной отличника.

Дипломатичный «Метла» и «Бабушкина седина» молча прикинулись немыми, зато бестактный «Жёлтый» старался привлечь внимание:

— Брат, а это не ты ли случайно, этот твой друг?

Цзян Цзюан одарил его многозначительным взглядом.

«Жёлтый» непонятно почему поёжился.

«Бабушкина седина» сделал голосовую запись:

— Такой-то год, такой-то месяц, такой-то день. А-Хуань скончался. Причина смерти: излишняя честность.

В итоге все сошлись во мнении: вовремя признать своё бессилие не стыдно, а вот строить из себя павлина, а потом сдуться — вот где стыд.

Цзян Цзюан сыпал дифирамбами без подготовки, даже черновик не нужен был. Лицо Юй Сицзина по-прежнему ничего не выражало, но чутьё подсказывало Цзян Цзюану: настроение у председателя сейчас неплохое, самое время лезть на голову.

В общем, шансы есть.

Юй Сицзин от его пристального взгляда почувствовал мурашки по спине и, не подумав, нахмурился, пытаясь восстановить дистанцию:

— Если есть что сказать — говори, если есть что выпустить — выпускай.

Цзян Цзюан ухмыльнулся:

— Как же председатель может ругаться?

Юй Сицзин развернулся и пошёл.

— Ай-ай-ай, не уходи, есть! Есть что выпустить! Дай лицо, что ли, послушать! — Цзян Цзюан одним прыжком загородил дорогу.

Юй Сицзин заподозрил, что у учителя китайского, учившего Цзян Цзюана идиомам, трава на могиле, наверное, выше, чем эта учебная коробка.

— Не пойду, мне лень... — не договорив отказ, Юй Сицзин вдруг оказался взвален на плечо Цзян Цзюаном вниз головой и оторопел, выругавшись: — Твою мать?!

— Ничего, тебе лень двигаться — я подвигаюсь. — Цзян Цзюан бежал бодрой рысцей и равнодушно уговаривал: — Такие дела бывают только ноль или много раз — привыкнешь.

— Не привыкну! А ну опусти меня сейчас же, и проваливай! — проскрежетал зубами Юй

Сицзин, пытаясь ухватить Сюань Цзина за мякоть на спине и со всей силы выкрутить.

Цзян Цзюян беззаботно перебросил ношу повыше:

— Лучше сразу ногтями царапай! Расцарапаешь — я потом выйду и похвастаюсь.

Хулиган!

Это просто хулиган!

Лицо Юй Сицзина, будто скованное вечной мерзлотой, полностью исказилось.

— Эй, спасибо, я хулиган, чистокровный. — Цзян Цзюян охотно признался.

Юй Сицзин так разозлился, что не хотел говорить.

А за их спинами забытый Юй Сицзином председатель студсовета осторожно приоткрыл дверь:

— Мне слышались какие-то непотребства? Наверное, глюки.

Ответственный за пропаганду с каменным лицом:

— Председатель, протрезвейте. Это он сказал.

Смиритесь с тем, что ваша первая безответная любовь сбежала с хулиганом!

<http://bllate.org/book/19645/1931804>